13. [Θедоръ Бурмакинъ и Вавилонское царство].

1. Жилъ былъ царь и царица безъ короны. Выбира̀лъ онъ ду́мшихъ сенато́ровъ, посыла̀лъ по всѣмъ стра̀намъ: не будетъ ли какой охотникъ въ Вавилонское царство за царской короной?—Думшіе сенато́ры искали по всѣмъ стра̀намъ, нигдѣ не нашли охо́тника. Одинъ пошолъ по питейными заведеніями. Лежалъ тогда Θёдоръ Бурмакинъ въ кабакѣ пьяной. *То* сенато́ръ сказалъ: „Θёдоръ Бурмакинъ, не желаешь ли ты въ Вавилонское царство за царской короной?“ — Θёдоръ Бурмакинъ на то сказалъ: „опохмѣль меня, я гото́въ буду, желаю ѣхать!“

Опохмѣлилъ ево, приводитъ къ царю Θёдора Бурмакина. — „Θёдоръ Бурмакинъ, — сказалъ царь: — што́ тебѣ нужно съ собой?“ — Θёдоръ Бурмакинъ назначилъ: „мнѣ што де лучшій корабь, три бочки пороху, три бочки сѣры горючей, три бочки селитры!“ — *То* онъ взялъ съ собой товариша—сенато́ра—и рабочихъ лоцмановъ и отправился въ Вавилонское царство.

2. *То* пріѣзжаетъ въ Вавилонское царство, прива̀ливаюцца на пристань. Θёдоръ Бурмакинъ взялъ съ собой сенато́ра, отправился въ домъ. Царство ето отворяетца на время: когда змѣй полозъ роздвинетца, тогда отворяются и воро́ты. (Змѣйла̀нское царство). *То* заходятъ въ ко́мнаты онѣ. Марѳа Вавило́новна сказала: „каки́-тѣ вѣтры сюды занесли Θёдора Бурмакина!“ — „Царь по́слалъ меня къ тебѣ. Каково ты поживаешь?“ — „Милости просимъ! садись со мной за столъ покушать!“

3. Понаѣлись. Марѳа Вавилоновна говоритъ: „давай въ *пѣшки*, Θёдоръ Бурмакинъ, поигра̀емъ! А играть не *такъ*: если три разъ я тебя поигра́ю, я тебя пожру́, а если ты меня три разъ поигра̀ешь, и ты меня жри!“—Перъвой разъ поста́вили пѣшки, она ево обыгра̀ла. Второй разъ поставили, опять обыграла. Остаѣцца одинъ разъ. Поставили въ третій; онъ со своёва краю двѣ пѣшки подъ столъ спехну́лъ и говоритъ, што *пѣшельница* у тебя непра́вильная, затѣмъ ты меня и обы́гриваешь! Есь у меня въ кораблѣ пѣшельница мраморная и пѣшки также нумерованные. Дозволь мнѣ

сходить, тогда я уже буду какъ *слѣдно* играть, а на твоей я не согла́стенъ играть!.. Если, Марѳа Вавилоновна, не вѣришь, возьми сената́ра къ себѣ въ ко́мнаты! Я всё таки пойду, пѣшельницу принесу́ свою!"

То онъ сената́ра къ ей въ комнату приводитъ, а самъ пошолъ; по путѣ царскую корону взялъ съ собой. Только добѣгаетъ до пристани Ѳёдоръ Бурмакинъ, скричѣлъ рабочимъ: „какъ можно поскорѣе отъ берегу отва́ливай!" (сенатора ужъ оставля́тъ тутъ).

4. Очень долго Марѳа Вавилоновна ждала́; потомъ вышла на балхо́нъ, смотритъ на́ море: онѣ очень уже далёко ѣдутъ. — „Ахъ онъ подле́цъ, ахъ онъ варна́къ, какъ надо мной насмѣя́лся!"—Заходитъ въ ту комнату, гдѣ сенато́ръ, ево сеча́съ съѣла. То засвистѣла, загремѣла, самая мелкая змѣя́, по *ухва́тишшу*, прилетѣла. — „Поди́те, — говоритъ: — спали́те ево подлеца́, не пусти́те ево на бѣлой свѣтъ!" — Полетѣли онѣ. Стали надлета́ть надъ корабь, онъ жи́во выкатилъ три бочки селитры; зажига́етъ селитру, всѣхъ прижо́гъ-припали́лъ; кое-какъ двѣ остались, отправились назадь.

Прилетаютъ, докладываютъ: „Марѳа Вавилоновна, всѣхъ онъ насъ прижо́гъ-припали́лъ, кое какъ мы отдали́лись!"

5. Тогда она опять засвистѣла, загремѣла, болѣе тово́ змѣй насвистѣла: „поди́те спали́те; ево на бѣлой свѣтъ не пусти́те!" —*То* стали надъ корабль надлета́ть, онъ вы́катилъ три бочки по́роху, всѣхъ ихъ прижо́къ-припали́лъ; кое-какъ двѣ отдалились, полетѣли назадь. Прилетѣли съ докладомъ: „Марѳа Вавилоновна, всѣхъ насъ прижо́гъ припалилъ, кое-какъ мы отдалились".

6. *То* захотѣлось Ѳёдору Бурмакину отдохнуть. Прива́лился къ берегу, на́чали себѣ обѣдъ, ка́шу вари́ть. Попала Ѳёдору Бурмакину тропа́; идётъ онъ по этой тропѣ, ягоды собира́етъ, и ушолъ отъ пристани далёко. А ево рабо́чи тогда расположи́лись на отдыхъ спать. Эти змѣи прилетѣли и всѣхъ ихъ прижгли́ припали́ли, этѣхъ рабочихъ, и весь корабь по бревну́ раската́ли, по́ морю пустили. Ѳёдоръ Бурмакинъ приходитъ на пристань и видитъ: корабля нѣтъ, корабь весь прижжо́ной; го́ре ево́ оши́бло, што никово́ нѣтъ. — „Куды теперь моя голо́вушка придли́тъ? [?] .... Пойду́ теперь по етой тропѣ, куды́ она поведётъ меня!" (А корона у ево храни́цца).

7. Доходитъ онъ до *агромáтнова* дóму; заходитъ въ этотъ домъ. А въ этѣмъ дому живётъ Кривáя Ерàхта, Марѳы Вавилоновны братъ. Кривая Ерахта сказалъ: „куда яко ты, Ѳёдоръ Бурмакинъ, пошóлъ,—зашóлъ въ нашъ домъ?“—„Я нечàянно пришолъ въ твой домъ. Примú меня съ тобой жить въ товарищши“. — *То* Кривая Ерахта ево прúнялъ, стали жить съ имъ вмѣстѣ. Кривая Ерахта ему сказалъ: „не вылѣчишь ли ты, Ѳёдоръ Бурмакинъ, мнѣ глазъ? у меня одинъ глазъ не видитъ“. — Ѳёдоръ Бурмакинъ сказалъ: „есь у тебя олово?“—„Есь“.—„Есь канаты?“—„Есь“. — „Ташшы́ мнѣ *напáрья* и черпáкъ! потомъ ташшы́ канáты!“ — Приташшылъ онъ канàты. Полóжилъ ево нà полъ, примѣ́рялъ, навертѣлъ напáрьей дыръ. Привязàлъ онъ ево на *варовинны* канаты.—„Ну-ко, Кривая Ерахта, поворотись, — говоритъ: — штобы канаты повы́тянулись!“ — Кривая Ерахта поворотился, канáты эти лопнули.

„Нѣтъ ли у тебя *си(е)лянны́хъ* канатовъ?“—„Есь“—„Ну, ташшы́ мнѣ селянны́ канáты!“ (Тѣ поздорóвше будутъ). — Приташши́лъ ему се(и)лянны́е канаты; *то* привязáлъ онъ на селянны́е канаты. — „Ну-ко теперь поворотись, Кривая Ерахта! канаты пушшай повы́тянуцца“. — Кривая Ерахта поворотился, весь домъ ворочацца, только канáты повы́тянулись, не лопнули.

Тогда сказалъ Ѳедоръ Бурмакинъ: „ты, Кривая Ерахта, кривой [глазъ] *расшýрь* (глядú кривы́мъ), а здоровой зажми!“—*То* онъ почерпнулъ черпакомъ олово, плеснулъ на всё лицо ему оловомъ го(а)рячимъ.

8. Тогда Ѳёдоръ Бурмакинъ выбѣжалъ изъ комнатъ во *дворецъ*, а Кривая Ерахта какъ встрепеснулся, канаты ево лопнули. То выбѣжалъ Кривая Ерахта во *дворецъ* и спросилъ: „Ѳёдоръ Бурмакинъ, ты гдѣ?“ — „Во дворѣ,“ — сказалъ. Ходилъ пó двору Кривая Ерахта, ево искáлъ, и хочетъ ево съѣсь. Тогда у Кривова Ерахты былъ слугá козёлъ; и онъ къ козлу сталъ, Ѳёдоръ Бурмàкинъ, привя́зывацца. Привязàлся Ѳёдоръ Бурмакинъ къ козлу, тогда козёлъ подбѣгаетъ къ Кривой Ерàхтѣ. Козёлъ какъ только заревѣлъ, въ досаду Кривой Ерахтѣ (што козёлъ ему ешо прибѣжалъ досажать), тогда взялъ етова козла и выбросилъ за свой *дворецъ* (а дворъ у ево былъ ты́номъ устроенъ).

То онъ во второй разъ спросилъ: „Ѳёдоръ Бурмакинъ,

ты гдѣ?“ — Θёдоръ Бурмакинъ сказалъ: „я за дворомъ!“ — „Какъ ты туды попалъ?“ — „Ты вы́бросилъ, — говоритъ: — меня съ козломъ“—„Хи́трой,—говоритъ:—ты!“—Тогда онъ живо отъ козла́ отвя́зывался. — „Прошшай, — говоритъ: — Кривая Ерахта, я уйду́!“

„На́, вотъ, я тебѣ подаро́чекъ дамъ, *скла́день*!“ — Θёдоръ Бурмакинъ бралъ правой рукой складень; тогда Кривая Ерахта сказалъ, што „складень, дёржи́ ево!“ — Складень ево дёржитъ: если потяну́ть (рвяну́ть), то должо́нъ онъ мнѣ руку обрѣзать (складень зажа́лъ ру́ку крѣпко). Кривая Ерахта отворя́лъ воро́ты (поймать штобы Θёдора Бурмакина). Θёдоръ Бурмакинъ видитъ, што онъ къ ему подходитъ, не пожалѣлъ свою руку, руку обрѣзалъ и ушо́лъ отъ ево. Наконецъ сказалъ: „ну, Кривая Ерахта, ты теперь *вовсе* слѣпой, а я хоть безъ руки́, да вижу, куды́ итти!“

9. Отъ етова двора тоже попа́ла ему тропа́; пошолъ онъ по етой тропѣ; дохо́дитъ по етой тропѣ: стои́тъ домъ, Марѳы Вавилоновны тутъ живётъ сестра. *То* заходитъ въ домъ, увидалъ онъ: Марѳы Вавилоновны сестра. — „Здравствуёшь, госпожа же́ньшина! (назвать васъ не знаю какъ)“. Сказала эта женьшина: „куда жо ты отправля́ешша, Θёдоръ Бурмакинъ? зашолъ въ ди́кое мѣсто сюды́!“—„Я *заблудя́шшой* человѣкъ; не примешь ли ты меня съ собой жить намѣсто мужа?“—*То* она согласилась съ имъ жить, также на мѣсто мужа держать, и онѣ въ годъ при́жили ма́льчика. *То* Марѳы Вавилоновны сестра говоритъ: „теперь, Θёдоръ Бурмакинъ, живи какъ *требно* быть, по дома́шному: што мнѣ,—говоритъ:—то и тебѣ дитё!“

10. *То* она улетала на побо́ишшо, ево жена, а онъ сходилъ къ морю и сдѣлалъ себѣ плотъ. Она летѣла съ побо́ишшу и плотъ етотъ увида́ла. Прилетаетъ и говоритъ: „што же ты, Θёдоръ Бурмакинъ, къ чему же ты етотъ плотикъ исправилъ?“ — Сказалъ Θёдоръ Бурмакинъ: „што же ты какая неразу́мная! вотъ у насъ ребёночекъ есь, обс...цца, нужно пелёнки помыть! — на плотикѣ лучше помыть пелёночки“.—„А я думала, што ты хочешь отъ меня отдаляцца на е́тѣмъ плотикѣ!“ — „Нѣтъ, я не буду отдаля́цца, буду жить!“ — Тогда онъ плотъ оста́вилъ тутъ, а весло испра́вилъ, спря́талъ (штобы ей не видать было). На будушшой

день она отправилась на побо́ишше, наказа́ла: „*мотри́*, отъ робёнка никуды́ не ходи!“ — Только её проводилъ, отправился скоро къ морю, сялъ на пло́тикъ и поѣхалъ.

11. *То* робёнокъ заревѣлъ, и лѣсъ затрешшѣлъ. Услыхала Марѳы Вавилоновны сестра, што ребёнокъ ревётъ, очень скоро тороли́лась домой. *То* прибѣжа́ла, ребёнка схватила, прибѣжа́ла на́ море, на́ ногу [ребенка] ста́ла, а за другу́ разорвала́ напополамъ. Она бросила эту полови́ну, добро́сила до ево, у ево пло́тикъ нача́лъ тону́ть. Коекакъ онъ *спехну́лъ* ету половину, потомъ отправился впередъ, а она свою половину съѣла.

12. *То* онъ ѣхалъ—близко ли далёко ли, низко ли высо́ко ли,—приста́лъ, привали́лся опять къ берегу; потомъ онъ пошо́лъ по *Ура́лу*, нечаянно приходитъ на такое побо́ишшо: выбито побо́ишшо въ *печа́тную* сажёнь. Тогда Ѳёдоръ Бурмакинъ сказалъ: „дождусь, хто сюды́ прибудетъ?“—Залѣзъ онъ на ду́бъ и сдѣлалъ себѣ лучёкъ и на́чалъ дѣлать стрѣлки. *То* приходитъ *на́перво* къ ему Левъ звѣрь. Левъ звѣрь взглянулъ на ду́бъ, увидалъ Ѳёдора Бурмакина, сказалъ: „Ѳёдоръ Бурмакинъ, помоги́ мнѣ окаянова и́долишша побѣди́ть, а я тебя въ твое ца́рство (въ руське государство) доставлю!“

То приходитъ шестигла́вой окаянной идолишшо, взглянулъ на дрѣво, увидалъ (на этѣмъ дубу) Ѳёдора Бурмакина; сказалъ окаянной идолишшо: „если ты, Ѳёдоръ Бурмакинъ, помо́жешь Лева звѣря похи́тить, я тебѣ половину золотой горы́ отдамъ!“ — Сказалъ Ѳёдоръ Бурмакинъ: „подери́тесь вы сначала однѣ, я тогда на васъ погляжу, которому помокчи́!“ — *То* Ѳёдоръ Бурмакинъ подумалъ: „если мнѣ идолишшу помокчи, куда мнѣ половину золотой горы? Лучше я помогу леву звѣрю: лучше пусть онъ меня доставитъ во своё царство!“ — Скричѣли онѣ ему: „пособля́й которому-небудь, а то мы драцца долго не будемъ!“

То Ѳёдоръ Бурмакинъ натянулъ свой лучо́къ, пустилъ въ идолишша, отши́бъ ему голову. И во второй разъ пусти́лъ, другую отшибъ; въ тре́тей разъ пустилъ, и третью отшибъ. Сталъ левъ звѣрь ужъ одолѣвать ево; а Ѳёдоръ Бурмакинъ натянулъ четвертой разъ, четвёрту отшибъ. Остаёцца двѣ. Остатки левъ звѣрь самъ зако́нчилъ. *То* онъ убилъ, левъ звѣрь, *во́всё* идолишша, самъ вылѣзъ изъ

шáхты.—„Слѣзай, Θёдоръ Бурмакинъ, не опасайся! я тебя не пошевелю!“

13. Θёдоръ Бурмакинъ слѣзъ съ дубу, поздоро́вался съ ле́вомъ-звѣрёмъ, сѣлъ на нево́ и поѣхали. Добѣгаютъ до бѣлова ка̀мню. Сказалъ левъ звѣрь, што „я не могу тебя теперь въ твоё царство везти; на тро̀и сутки дай мнѣ отдохнуть здѣсь“. — Θёдоръ Бурмакинъ сказалъ: „чѣмъ жо я буду тро́и сутки здѣсь пропитывацца?“—„Вотъ ты етотъ камень лизни три раза́, будешь тогда сытъ, пьянъ и ве́селъ!“ — *То* онъ лизнулъ бѣлой камень три раза́, и сдѣлался сытъ, пьянъ и веселъ Θёдоръ Бурмакинъ.—„Можно проживáцца мнѣ!“ говоритъ.—Тро̀и сутки прохо̀дитъ, *тожно* левъ звѣрь сталъ, сказалъ: „садись на меня и доржись за меня крѣпше!“

14. *То* онъ привозитъ ево въ руськое государство, а наконецъ сказалъ: „ты *мотри*, Θёдоръ Бурмакинъ, мною не хвастайся, што я на левъ-звѣрѣ ѣздилъ! если ты мною похва́сташша, тогда я тебя не пожалѣю, съѣмъ!“ — Приходитъ Θёдоръ Бурмакинъ къ царю во дворецъ, а царь завёлъ пиръ на весь міръ. *То*, въ пьянствѣ, хвастались енера̀лы войска̀ми, а купе́чество хва̀стались деньга̀ми. Царь наказалъ: „если хто въ пьянствѣ помянетъ про Θёдора Бурмакина, тово живо̀во въ могилу копать. (Онъ досадилъ мнѣ шипко“).

Тогда Θёдоръ Бурмакинъ самъ сказалъ: „охъ вы купечество, толстопу́зики *толстоголя́хіе*, вы хва́стаитесь деньга̀ми!—говоритъ:—А вы бы,—говоритъ:—тѣмъ похва́стались, хто на Ле́вѣ звѣрѣ ѣздилъ!“ — Левъ звѣрь всё равно какъ тутъ и былъ; сказалъ, што „Θёдоръ Бурмакинъ, былъ до́говоръ, што мною не хва́стацца!“ — Θёдоръ Бурмакинъ сказалъ: „не я хвастаюсь, а хмѣль!“ — „Гдѣ онъ?“ — „Иди, я вотъ подведу́!“ — Подвёлъ ево гъ бочкѣ, къ вину́: „вотъ давай *лачи́* тутъ, левъ-звѣрь, этотъ хмѣль!“—Напи́лся левъ звѣрь пья́ной и свали́лся. Θёдоръ Бурмакинъ тогда *скурти́жилъ*, связа́лъ ево крѣпко.

Проснулся левъ звѣрь, сказалъ: „хто меня связалъ?“ — „Вотъ хмѣль связа̀лъ тебя! Онъ можетъ тебя и развяза́ть“.— Напи́лся онъ во второй разъ, левъ звѣрь; онъ ево развяза́лъ. Потомъ проснулся левъ звѣрь развя́занъ: „Ну, и вѣрно, Θёдоръ Бурмакинъ! чѣмъ ты знаешь, тѣмъ и хва-

стайся теперь! ступай,—говоритъ:—я повѣрилъ, што хмѣль можетъ всё сдѣлать".

15. *То* приходитъ онъ къ царю; сказалъ: „охъ вы, господа енера́лы, хвастаетесь вы войсками, а вы бы тѣмъ похва́стались, хто въ Вавилонское царство ходилъ за царской короной! и вотъ я пре(и)доста́вилъ царскую корону!" — говоритъ. *То* онъ развязываетъ свой су(о)квоя́жъ и выни́маетъ царскую корону, подаётъ царю корону. *То* извинился царю, што я оплоша́лъ: кара́пь мой наруши́ли и народъ весь сожгли́, только я одинъ могъ сохрани́цца".—Поблагодарилъ ево царь, награди́лъ ево деньга́ми.—„Куды́ зна́ешь, туды и *тупай* теперь, Бурмакинъ!"

---

14. „Васенька Ва́регинъ".

1. Былъ именитой купецъ Ва́регинъ. Въ Питерѣ жилъ, царю помога́лъ армію кормить. У купца Ва́ригина былъ сынъ одинъ. Время ему вышло жени́цца. Онъ отцу сказалъ: „сватай, тятинька, а самъ не ока́нчивай дѣло: я самъ поѣду досва́тывать".—Потомъ купецъ пріѣзжаетъ къ купцу: што „я пріѣхалъ за добрымъ словомъ, за сва́таньемъ". — „Съ великой охотой отдаёмъ дочь за твоево́ сына! тебя и ждёмъ!"—„Не хочу́ я окончить дѣло самъ, вы́сватать теперь, а пріѣду на второй разъ съ сыномъ, пото́мъ окончимъ дѣло!"

Потомъ пріѣзжаютъ съ сыномъ. Сынъ приходитъ въ купеческіе палаты и говоритъ: „покажи мнѣ свою дочь! я посмотрю, кака́ у тебя дочь".—Дочь собрала́сь въ *свѣтное* платье, выхо́дитъ, поздоро́валась съ Ва́синькой съ Варегинымъ. *То* онъ сказалъ купцу: „господинъ купецъ, дозволь мнѣ въ ра́зные ко́мнаты съ ей ре́чи поговори́ть, съ невѣстой!"—„Я тебя,—говоритъ:—возьму, такъ блудъ сотвори со мной! (што мнѣ терпѣнья нѣтъ)".—Она согласилась.

Объѣхалъ онъ десятокъ купцовъ (и всѣхъ) и всё такимъ манеромъ: *обледенево́нитъ*, выйдетъ изъ комнаты и говоритъ: „мнѣ такую б..дь не надо!" — Отецъ на ето осердился. — „Неужели купеческіе дѣти всё б...и,—говоритъ:—дѣвки? Я больше сватать, — говоритъ: — не поѣду никуды́! мнѣ канфу́зъ! Сватай самъ, гдѣ знаешь!"